

СТРАХ ВО ПЛОТУ

Свет в подвале, где они разместили медицинскую станцию, был слишком ярким, чтобы спать.

Катмос все же рухнул на свободный матрас и закрыл глаза. Отдых был необходим, чтобы он

мог выполнять свои обязанности, когда появится новая партия раненых. Конечно, флуоресцентные полосы мешали бы меньше, если бы он повернулся лицом к стене, но Катмос

больше не хотел оставлять спину незащищенной — так же, как и отстегивать лазистолет.

Он согнул руку, прикрыл ею глаза. Если он и не заснет, то хотя бы отдохнет от придушенных

стонов, от зловония крови, приглушенного запахом антисептика. Если бы он был на

Альнавике, то, глядя вверх, увидел бы холодные голубые небеса вместо грязного потолка.

Там, на севере, Мраморные горы

удерживали собою всесокрушающие
ледники,

простирающиеся по всему горизонту. А на
юге глухие хвойные леса окутывали
долины,

спускающиеся вниз по прибрежной равнине,
к усеянному айсбергами Разбитому морю.

Катмос чувствовал в руках вес
модифицированного глинооствольного
болтера, а холодное

кольцо оптического прицела едва касалось
века. Он остотрел обнаженные пласты
породы над

широкой раной каменоломни. Даже в этом
холодном воздухе человек покрывался
потом,

сражаясь с машинати, резавшими белый
камень подобно силовым когтям,
проходящим

сквозь орочий дождех. На запах приходили
проснувшиеся по весне траторные медведи.
Вдвое

выше человека и вшестеро тяжелее, они
были покрыты белым мехом, пронизанным

серыми

прядами, чтобы их сложнее было увидеть
среди голых скал. Несмотря на размер,
медведи

были скрытны, и после сначки ими
управлял неуголимый голод. Длинные
когти могли

выпотрошить человека, прорвав
кольчужное рабочее облачение. Каммос
был здесь, чтобы
противостоять зверям.

Он мог бы мысленно вернуться к дому,
который больше никогда не увидит, но его
слух все

еще был обращен к станции помощи. К
нему торопливо направлялись мягкие
шаги. Это не

очередное нападение. Он бы услышал, как
стреляют лазерные пушки, установленные
на

огневых позициях. Что-то другое.

-- Доктор!

Какой-то раненый забормотал, услышав
настойчивый шепот.

-- Лучше б это было что хорошее, кальмаросос, а то я оттопчу тебе щупальца, -- прорычал

Катмос.

Матэйн подавил стешок. Катмос убрал руку с глаз, довольный, что молодой санитар

наконец-то научился понимать шутку.

-- Комиссар Турзам прибыл с отрядом кадетов, -- Матэйн дернул головой по направлению к

лестнице у входа, и в бионическом правом глазу полыхнул резкий свет. От спазма мускулов

застучали друг о друга аугметические пальцы на его руке-протезе.

Он нервничал. Стоило ли удивляться. Катмос не помнил этого конкретного комиссара, но

знал, что это за порода. Он встал на ноги, сорвал испачканную медтунку, прикрывающую

кранчато-серую униформу.

-- Я проверю, чтоб все было в порядке.

Он направился к кладовке в задней части погвала, которую вытребовал для отряда медицинской поддержки. Два младших хирурга, Этрик и Тинг, хранили на полу, выбившись

из сил. Ассистент Этрика, Хаукс, усталым открывал упаковку с рационом. Катмос взял свой

инфопланишет и тихо прикрыл дверь.

Повернувшись, он увидел в противоположной комнате гвардейца, который записывал

лазганные батареи на стеллаж для подзарядки. Руки солдата тряслись. Он уронил одну

батарею и, выругавшись, наклонился, чтобы подбрать.

-- Не бери ее, -- Катмос шагнул вперед. -- Оболочка треснула.

Меньше всего им надо, чтобы солдат ранило взрывом собственного оружия.

Молодой гвардеец тупо посмотрел на него и моргнул, будто только что проснулся.

-- Извините, сэр.

Теперь Каммос узнал его. Отряд поддержки, которым командовал полевой хирург, ранее был

прикреплен к роте капитана Слейта.

-- Тебя зовут Ньял, так?

-- Да, сэр, -- лицо Ньяла выглядело ослабевшим от страха. -- Что будет, если тираниды

вернутся, сэр?

-- Будет драться, -- уверенно сказал Каммос.

Пустоглазое лицо Ньяла исказилось.

-- Сегодня мы убивали их сотнями, а они все идут, -- он бросил взгляд на перезаряжающиеся

боеприпасы к лазганам. -- Что, если они потрежут энергию? А что будет, когда кончатся

снаряды к тяжелым болтерам и тортирам? Их-то перезарядить нельзя. «Часовые»...

-- К нам идет помощь, -- заверил его Каммос. -- Приехал комиссар со своим отрядом.

-- Ох, -- виг Ньяла не выказывал особого облегчения.

Внезапно стены узкого коридора как будто навалились на Катмоса. Он не мог больше сидеть в

этом душном подвале, пока не подышит свежим воздухом.

-- Тебе нужно набрать еще батарей? -- он кивнул на пустые места в стеллаже.

-- Да, сэр, -- Ньял расправил плечи.

-- Тогда пошли, -- Катмос направился вверх по лестнице в задней части огневого сооружения.

Сапоги грели о недавно установленный металл, и звук эхом отдавался от более старых

каменных стен.

Ньял поспешил на средний ярус круглой башни, а Катмос вышел на огороженный перилами

балкон. Над головой гудели готовые к бою лазерные пушки. Он окинул взглядом двор

крепости, выстроенной в форме шестиугольной звезды --- наследия

континентальных войн, произошедших за
век до того, как победители добились для
Шерторы преимуществ, которые
давал Империя.

Где-то в тридцати метрах отсюда на
каждом бастионе стояли тяжелые
болтеры, и

обслуживавшие их команды были готовы в
любой момент взяться за дело. Внизу, во
дворе, отдыхали гвардейцы — потрепанные
взводы капитана Слейта и жалкие
остатки роты капитана

Келло.

Катмос взглянул на инфопланшет. В
общей сложности пятьдесят шесть
убитых и раненых.

Рота Слейта понесла тяжелые потери,
при том, что находилась внутри
крепости. Людей Келло

застали врасплох снаружи, поэтому более
чем половина из них пала жертвой
тиранидских

зубов, когтей и мерзких биоорудий. Только
отважная атака капитана Слейта

позволила

выжившим отступить к воротам.

Хирург посмотрел поверх внешней стены, туда, где после заката еще светилось небо за

мостом, для защиты которого была выстроена крепость. Эти солдаты и вообразить не могли

столь страшного врага, как тираниды. Он пристально рассматривал неподвижных навших

«Часовых». Они храбро сражались, прикрывая отступление капитана Келло, огнеметом и

автомашкой истребляя бесчисленное множество тварей. До тех пор, пока их не одолели

числом, а боеприпасы иссякли. Ведь тираниды могли пожертвовать сотней отродий, чтобы

убить одного-единственного гвардейца.

Еще вчера Катмос наслаждался этим новым миром, очарованный благовонными лесами

Шерторы. Капитан Слейт ожидал легкого задания в виде тренировки сил планетарной

обороны. Незадолго до рассвета пришел приказ удерживать этот переход через реку, и они

поспешили к крепости в форме звезды.

-- Сэр? -- его ассистент, Матэйн, появился на лестнице.

-- Угу, -- Катмос пошел вниз.

-- Кто тут командует? -- посреди подвала стоял комиссар, бросая вокруг свирепые взгляды.

-- Вокс-сержант Биньял, пожалуйста, сообщите лейтенанту Джентагу, что прибыло

подкрепление, -- спокойно сказал Катмос.

Дюжий вокс-сержант кивнул, его покрытое шрамами лицо было непроницаемо. Распихав

кадетов, столпившихся на ступенях, он направился на самую верхнюю обзорную платформу.

-- А ты кто? -- акцент Турзата

принадлежал уроженцу побережья, вроде
Матэйна. Насмешка в
его голосе выдала пренебрежение,
которое жители берегов испытывали к
любому, кто не

преодолевал опасности гибельных
штормов и айсбергов, чтобы отбить блеск
рыбы у

китов-кораблекрушителей и спрутов-
убийц.

-- Полевой хирург Каммос из
Девятнадцатого полка «Альба Мартореса»,
-- надев островерхую
шапочку, он улыбнулся комиссару.

Опрятные складки на кителе этого
человека намекали, что он настаивает на
соблюдении

правил ношения униформы. Несмотря на
тепло и влажность вечернего воздуха, он
носил

плащ из меха латонного медведя,
который любили в генеральном штабе. С
другой стороны, эмалированные
знаки на воротнике Тирзата показывали, что

он активно участвовал в самых
опасных кампаниях полка, включая
кровавую баню на Нартиле III.

-- Капитан Слейт? -- Турзат окинул
взглядом раненых солдат.

-- Он умер сегодня днем. Жүки-
точильщики.

Воспоминание вызвало у Камтоса
тошноту -- как он вскрывал гноящиеся
каналы,

проделанные жүками, пытаясь наколоть
их на электроскальпель, прежде чем они
изрежут

какой-либо жизненно важный орган. Он
оказался слишком медленным. А их было
слишком
много.

-- Жүки-точильщики! -- набросился
комиссар на распахнувших глаза кадетов. --
Плотоядные

черви, которые лезут по вашим нервным
волокнам, чтобы сожрать мозг.

Личинки-стертоплюи, плавающие вашу
броню. Семена-гүшителі, прорастающие

шипати и

рвущие человека на куски, прежде чем он успеет сделать пару шагов. Не дрогните!

Пусть этот

человек -- ваш закадычный друг, ваш брат

Пусть он даже спас вам жизнь десять раз подряд.

Оставьте его, не бросив и второго взгляда!

Вы не должны потерпеть поражение.

Этот враг не

отступит -- гаунты, пожиратели,

потрошители, какое бы то ни было злобное

извращение из

плоти и кости, которое пошлут

тираниды. Если эта пакость хотя бы

одним пальцем зацепится

за этот мир, то все живое обречено, --

широким жестом Тирзат охватил всю

Шертору --

мягкую, цветущую, плодородную -- от

полюса до полюса.

-- Разум Улья жаждет полного

уничтожения человечества! -- равкнул

комиссар на кадетов. --

Тираниды убьют каждого мужчину, женщину, ребенка, животное, вплоть до мышей-призюнов, прячущихся в канавах. Они бесстрашны, безжалостны, неумолимы. Их

растения-сосальщики погубят каждое дерево, каждый куст, каждую былинку. Они не

остановятся, пока самый последний клочок биомассы не растворится в прудах изживой

кислоты. Если вы потерпите поражение, ваша смерть будет предельным предательством, ибо

будет питать отвратительное чудовище, породившее их.

Даже под резким флуоресцентным освещением Катмос видел, что кагеты побледили. Чему

бы их не учили на лектомах в схолапрогениум, теперь перед ними была убийственная

истина битвы.

-- Поэтому мы не потерпим поражения, --

прорычал Турзам. -- Вы займете это
огневое

сооружение и будете сбивать споры
тиранидов, прежде чем они изрыгнут свой
яд в воздух. Вы

уничтожите тиранидские коконы, чтобы
не было больше извращенных зверей,
загрязняющих

планету. Вы истребите этих тварей
прямо здесь. Мы защитим этот агротир
во имя

Империи, во имя вечной славы Бога-
Императора. Считайте, что ваша жизнь
завершилась

достойно, если она стала платой за
выполнение долга!

Раненый, лежащий на сенсорном
покрывале, простонал:

-- Нет!

Комиссар угрожающе наклонился над ним
с плазменным пистолетом в руке.

-- Что ты сказал?

-- Только не снова, -- человек попытался
прикрыть лицо. Зловонный гной выступил

схватить

повязки на руках --- открылись раны от
плотоядных червей.

-- Ты отказываешься нести службу? --
плазма-пистолет взвыл в руке Турзата.
Ты знаешь, каково наказание за трусость?

-- Только в бою, лицом к лицу с врагом. А
он лежит на матрасе медицинской
станции, --

Катмос шагнул вперед, оказавшись так
близко, что Турзат от удивления
отступил. -- Суди

его по поступкам. Его ранили, когда он
сражался, пытаясь спасти капитана
Слейта. Теперь, когда тиранидские яды
отравляют его кровь и мозг, нельзя искать
трусость в его бреду.

-- Посмотрим, -- прошипел Турзат. -- С
дороги, хирург!

Комиссар взмахнул пистолетом, и
Катмосу ничего не оставалось, как
пойти в сторону.

Склонившийся над раненым Матэйн
поднял взгляд.

-- Извините, сэр, -- тихими, как всегда, шагами, он незамеченным подобрался за спину

Катмосу. -- Он без сознания.

-- Ты еще кто? -- потребовал ответа Турзат.

Не желая, чтобы его подчиненный испытал гнев комиссара, Катмос ответил за него:

-- Капрал Матэйн. Он так отличился на медицинской службе, что Оффицер Медика было

особенно заинтересовано в его восстановлении после Нартила III.

-- Я просто выполнял свой долг, как и весь мой отряд, Каменные Медведи, до последнего

человека, -- с кривой, сгущенной улыбкой Матэйн процитировал девиз «Альба Мармора». --

Никогда не подводили.

Катмос увидел, как бледные волчьи глаза Турзата осматривают аулметикую молодого человека

и Багровый Медальон, приколотый к его воротнику. Он только надеялся, что комиссар не

заметит поблескивающую излу шприца, все еще торчащую из мединасового большого пальца Матэйна.

Тут, к счастью, на лестнице зазвучали голоса.

-- Комиссар? Я -- лейтенант Джентаг, -- решительно отсалютовал молодой офицер.

Камлос отступил назад и сделал Матэйну жест, чтоб тот сделал то же самое. Он сделал в уме

пометку, чтобы изменить медикаменты, выдаваемые пациенту, после транквилиума, который

ввел ему санитар.

-- Давайте я покажу вам расположение наших войск, сэр, и ознакомлю с результатами последней атаки тиранидов, -- сказал Джентаг с просящей ноткой в голосе.

Камтос занял себя тем, что начал
менять повязки раненого.

-- Вокс-сержант, сообщи Главному штабу,
что ты здесь, -- Турзат явно не был
впечатлен. -- Я

сделаю полный доклад попозже.

-- Сейчас, комиссар, -- незаметительно
ответил Биньям.

По пути к лестнице Турзат остановился,
чтобы бросить взгляд на плотно
сложенного
мужчину.

-- Твоя репутация бежит впереди тебя,
вокс-сержант.

Биньям посмотрел комиссару прямо в
глаза.

-- Аргин Прайт, сэр?

Турзат даже не моргнул.

-- И он, и другое.

Он еще мгновение не отводил глаз от
Биньяма, а затем повернулся к
лейтенанту Джентаду.

-- Покажите мне зону обстрела ваших

оборонительных лазеров и рельеф местности.

Отбросив пинком изъеденный кислотой нагрудник бронежилета, он зашагал к лестнице. За

ним последовали лейтенант и все кадеты.

Катмос проверил, крепко ли спит пациент. Биньям подошел к нему вместо того, чтобы

направиться к вокс-кастеру в углу.

-- Как думаешь, он считает себя Каменным Медведем? -- поинтересовался он.

-- Мне не кажется, что он любит прозвища, -- ответил Катмос, хотя и предполагал, что кадеты

наверняка придумали имена, которыми называют Турзата у него за спиной.

-- Ты был на Аргине Прайм? -- спросил Матэйн с благоговением.

-- Он прикалывает Хонорифику Импералис, только когда есть проблемы с командованием

полка, -- Катмос остотрел разноцветные

сигнальные огоньки в углу сенсорного покрывала.

Пульс, содержание кислорода в крови и давление раненого были на удовлетворительном уровне.

-- Мы там оба были. Не о чем особо рассказывать, -- отрезал Биньям.

Катмос видел, что Матэйнү все же отчаянно хочется спросить. К счастью, он этого не сделал.

Катмосу не хотелось заново переживать эту кампанию против орков. Тогда он и Биньям

оказались единственными двутя выжившими из целой роты. Солдаты «Альба Мартореа»

всегда хвастались, что Альнавик отдал Империи гораздо больше, чем принял от него. В

системе Аргин так и произошло.

-- А как там лейтенант? -- понизив голос, спросил Катмос. Джентаг должен был учиться у

капитана Слейта, а не заменить его
через три дня после высадки на планету.

Но вселенная несправедлива, и ей все равно.
Это знал каждый ребенок на Альнавике.

Биньям снова пожал плечами.

-- Справляется вполне прилично для
голиного щенка, -- как и Катмос, он вырос
на

каменоломнях Мраморных гор. -- Пока
нервы выдерживают.

Он испытующе посмотрел на Катмоса:

-- А что насчет тех парней, которых ты
зашиваешь и высылаешь прочь?

Хирург знал, что тот имеет в виду. Они
не могли позволить себе терять людей из-
за боевого

шока, только не сейчас и не здесь. Не
говоря уже о том, что комиссар Турзат
казнил людей, которых обвинял в
трусости. Чтобы был хоть какой-то шанс
противостоять тиранам, каждый
человек должен был держать оборону или
умереть при этом ради всех остальных.
То, что говорил Турзат, было жестокой

правдой. Но что толку от правды, если она только

приводит в уныние и без того утративших боевой дух людей? Страх может быть так же

заразен, как волдырная оспа. Если он укоренится, то уничтожит их так же действительно и

быстро, как любой тиранидский рой.

Катмос уже раздумывал насчет этого.

-- Бин, когда инженеры переделявали это место, они свалили сюда каждый вокс, пикт и

инфопланшет, который сломали. Ты можешь набрать деталей, которые нужны, чтобы сделать

звездолов?

-- Звездолов? -- поднял голову Биньям. -- Где твоя каска? Что тебя стукнуло по голове и

насколько сильно?

Катмос улыбнулся.

-- Просто сделай одолжение старому товарищу.

Биньям поджал губы.

-- Хорошо, я попробую, только чтоб
посмотреть, зачем он тебе понадобился.
Как только

сделаю доклад, -- он направился к вокзалу
устройству, ступая удивительно легко для
такого

большого человека.

-- Звездолов? -- Матэйн был озадачен.

-- У меня есть идея. Она может не
сработать, даже если Биньяму удастся
сделать эту штуку, --

уклончиво сказал Катмос. -- А теперь
давай посмотрим, кто к утру будет в
состоянии держать
лазган.

Ему не надо было говорить Матэйну, что
им понадобятся все имеющиеся матрацы
для тех, кто

будет ранен во время следующей атаки
тиранигов.

Полевой хирург заворачивал последнего
утершего за ночь в спальный мешок, когда
с

лестницы в погвал пролились лучи
рассвета.

-- Эйлур? -- Биньям отогнул складку,
закрывающую лицо мертвеца. -- Он обещал
Третарку
свою медвежьёю шкуру.

Плечи униформы самого Биньяма были
покрыты полосками медвежьего меха.

-- Третарк тут, -- Катмос кивнул на
другой спеленатый труп. -- Помоги мне
затащить их наверх.

-- А эти блюющие кагеты немного
поработать не могут? -- Биньям все же
ухватился за ноги
мертвеца.

Выйдя во внутренний двор крепости
планетарной обороны, Катмос затормозил
от

усиливающегося солнечного света.

-- Куда?

-- Вот сюда, -- Биньям кивком указал на
второпях вырытую траншею, возле
которой стопками
лежали плиты мостовой.

Туда сбрасывали мертвецов, сняв
предварительно оружие и снаряжение.
Гвардеец обрызгал
труны прометием и поджег их при
помощи огнемета.

Катмос ощутил ком в горле, но это был
единственный способ избавиться от
зарывающихся
внутри тел тиранидских организмов. Он
посмотрел на другие ямы, накрытые
растянутой на
колышках палаточной тканью.

-- Это не поднимает боевой дух.

Биньям хмуро ответил:

-- Может, лучше пусть парни смотрят,
как их мертвые дружки дергаются и
лопаются, и наружу
высыпаются ядовитые личинки?

Катмос глянул в сторону внешней стены.
Солдаты, получившие вчера легкие
ранения,

которых они с Матэйном уже выписали,
вооружались, чтобы присоединиться к
своим

товарищам. Гвардейцы, которые
невредимыми пережили первую атаку,
стояли на

укреплениях, готовые к бою. Лейтенант
Дженнаг совещался с караульными.

-- Противника еще не видно? -- Катмос
недоумевал, как долго еще придется
ждать.

Биньям кивнул в направлении севера.

-- В воксе болтают, что их основные силы
ударил по городу Ыота. Если какая-то
бонь и

говорит им, что у их одноройников здесь
проблемы, то ее уносит в море.

-- А как там другие наши позиции?

Это была одна из восемнадцати
крепостей, кольцом окружающих
единственный крупный

город на континенте. Катмос понимал,
что солдаты из рот, которые направили
удерживать

крепости, сейчас вовсе не стесались и
передавали друг другу палочки лхо.

Биньям покачал головой.

-- Некоторые исчезли из вокс-сети...

Его прервали крики с укреплений. Катмос
увидел, как лейтенант Джентаг поднял
руку к уху, прислушиваясь к микробусине.

-- Они идут, -- выдохнул вокс-сержант.

Гвардейцы на стенах столпились рядом с
тяжелыми болтерами. Орудия с хриплым
кашлем

извергали смертоносные взрывчатые
снаряды, пропахивавшие ряды тиранидов.

Кислородно-фосфорные вспышки говорили о
том, что, по крайней мере, один тяжелый
болтер

был заряжен боеприпасами типа
«Инферно».

Расчеты мортир, установленных среди
пустого затощенного двора, без спешки
принялись за

рутинный труд. Один человек уронил
снаряд в зияющее жерло орудия. Другой
дернул за

спусковой шнур, и пугатый ствол
выплюнул взрывчатку, послав ее высоко над
стеной. Катмос

смотрел, как расчеты быстро меняют азимут и угол стрельбы, а наводчики на укреплениях

сообщают детали о каждом взрыве. Каждый снаряд должен выбить из массы тиранидов

максимальное количество потерь убитыми. Гвардейцы, снабжающие укрепления

боеприпасами, сновали среди мортир.

Вернувшись к верху лестницы, Катмос собирался направиться обратно в подвал.

Он

передумал. Первым его долгом в сражении являлась помощь раненым, нуждающимся в навыках и времени, которые медики не могли для них выкроить. Он мог сделать это здесь так

же хорошо, если даже не лучше.

Несмотря на все усилия расчетов тяжелых орудий, первая волна тиранидов достигла стен. Они

вскакивали в промежутки между тяжелыми болтерами, отталкиваясь

мощными задними

ногами, согнутыми под углом, как у собак,
и оканчивающимися костистым наростом

частично копытом, частично когтистой
лапой. Когти на средних конечностях
надежно

вцеплялись в стены. Рывками они
подтягивались вверх, шипя и плюясь,
размахивая

растущими из передних конечностей
костяными косами глиной с человеческую
руку.

Одна из них вонзилась гвардейцу под
подбородок, и лицо его исчезло в фонтане
крови.

Существо подняло его в воздух и затрясло,
чтобы высвободить коготь. Шея
хрустнула, тело

солдата отлетело в сторону и
безжизненно облякло.

Панцири тварей были сегментированы,
как у каких-то огромных и
отвратительных

насекомых. Перекрывающие груд грудасты
пластины торчали вверх на спине. Они
были цвета

старой ржавчины и высохшей крови, а
костистые конечности и торакс под ними

болезненно-белые, как кожа прокаженного.
Гротескно раздутые, покрытые красным
хитином

головы качались из стороны в сторону.
Слизь капала из выдающихся вперед
челюстей с

триадами зубов, как у угольной акулы.
Катмос встретился взглядом с одной из
отталкивающих тварей. Ее узкие
кошачьи глаза были лихорадочно-яркими,
сосредоточенными лишь на бездумном
убийстве.

Как вообще они могут выжить? Он
ощущал полную пустоту в груди. Снаряды
болтеров

напали, как зимний град, и все же не
могли преодолеть врага. Аккумуляторы
лазганов выйдут

из строя прежде, чем натиск врага
ослабеет. Даже если они будут убивать
эту мерзость, пока
не навалят кучу трупов высотой со стену,
то тиранидам просто будет легче
проникнуть во
внутренний двор.

Сердце Камлоса бешено колотилось в
панике, но конечности перестали
шевелиться от страха.

Он не мог бежать. Он не мог выхватить
свой лазерный пистолет. Да и к чему?
Даже люди на

стенах съежились за своими тяжелыми
болтерами. Соблазн отчаяния танил, как
черное

покрывало, под которым можно было
скрыться.

Лазерные пушки, окружающие верхние
ярусы башни, ожили и начали стрелять.
Чужак

взорвался, обратившись в зловонный дождь
из осколков кости и обожженных комочков
плоти. Та же вспышка лазера разорвала

на куски нескольких, следовавших за
первопроходцем. Воздух звенел от
оглушительного визга, с которым лучи
сияющей смерти

один за другим прорезали широкие полосы
сквозь стрекочущие орды.

Тесно стоящие рядом гвардейцы на
укреплениях стреляли из лазганов. Тонкие,
как булавки, лучи отсекали конечности и
глубоко вонзались в эти раздутые головы.
Они ослепляли полные

злобы глаза и чисто отсекали
мелькающие языки. Лейтенант Джентаг
выступил из тени

тяжелого болтера и спокойно
концентрировал огонь на одном
размахивающем

смертоносными лапами тираниде за
другим.

Катмос встrepенулcя и выдохнул. Он
чувствовал себя, как какой-то дурак,
повернувшийся

спиной к злoнeй вьюгe и жмущийся к
петросиновой плите, не думая о том, что,

не давая

зимним ветрам проникнуть в дом, он
лишает горелку свежего воздуха. Не зная,
что

раскаленный элемент сожжет весь
кислород, обрекая всех на смерть во сне.
Теперь он

чувствовал, будто кто-то пинком открыл
дверь и вытащил его наружу, позволив
кусачему

ветру выгнать токсины из крови.

Прикрепленные к отделениям медицины
зашивали раненых и отправляли их
обратно. Никто не

ожидал иного. Там, на Альнавике, если за
тобой гнался тракторный медведь, то ты
залезал на

бритвенную сосну и не жаловался на
порезы. Ты же оставался жив, не так ли?
Катмос

выдернул лазнистоlet из кобуры, готовый
прикрыть огнем пару медиков, тащивших
раненого

с укреплений. Солдат держался за

пробитый нагрудник, и кровь сочилась
сквозь пальцы.

-- Ворота! Ворота!

Кричали люди на стенах. Лейтенант
Дженнаг соскользнул вниз по лестнице и
побежал через

внутренний двор. Что-то ударило снаружи
в ворота, в пятнадцати метрах перед
башней.

Грохот был оглушителен. Многослойная
пласталь вспучилась, но не поддалась.
Облегчение, которое ощутил Каммос,
было недолгим. Ворота прогибались все
сильнее, и у одной петли

открылась узкая трещина. Огромный
шипастый коготь тщательно обследовал
слабинку.

Затем раздался второй взрыв -- что-то
сдетонировало прямо у входа. Пласталь
держалась, но

по всей площади ворот открывались новые
трещины. Через них сочилась бурлящая
черная

кислота, разъедая керамитовое покрытие.

Лазерные пушки на башне должны были защищать вход, если ворота не выстоят.
Катмос

посмотрел вокруг, прикрывая глаза от слепящих лучей. Но пушки целились выше, не ниже.

Солнечный свет затмили тени, похожие на летучих мышей. Эти тираниды летели на кожистых

крыльях — между широко разошедшихся костей тутировавших средних конечностей были

растянуты мембраны. Злобным взглядом они выскивали цели, сжимая в передних

конечностях оружейные симбионты. Катмос напрягся, видя, как чудовища летят высоко над

укреплениями, хлеща жуткими шипастыми хвостами меж атрофированных задних лап.

Зависнут ли они в воздухе и будут стрелять или же спикируют вниз, как ястреб за добычей? В

любом случае, гвардейцы на стенах не

могли отвести глаз от тиранидов,
атакующих на земле, если только хотели
выжить.

Теплый воздух прожгли выстрелы
лазерных пушек. Летучие тираниды,
попавшие в их прицел, были уничтожены.
Те твари, что находились слишком близко
к первым жертвам, тоже

погибли --- их крылья посекло бритвенно-
острыми осколками разбитого хитина. Но,
падая с

неба, оружейные симбионты все еще
плевались червями-точильщиками в
расчеты тортир.

Врезаясь в лостовую, существа подсекали
извивающимися хвостами ноги гвардейцев.

Дергаясь в предсмертной агонии, летучие
тираниды всаживали солдатам в бедра
искривленные шипы.

Те чудища, что еще держались на
крыле, изрыгали пылающие колья
биоплазмы. Катмос

убигел, как один забрызгал сеговластого
гвардейца. Липкое зеленое пламя подожгло

бронезилет и волосы. Рыча от боли и ненависти, солдат продолжал стрелять и сбил наземь

чужака, который убил его. Батарейная лазгана милосердно вспыхнула и разорвалась, освободив

его от страданий за миг до того, как палец Катмоса напрягся на спуске пистолета.

Прогнувшиеся ворота заскрипели. Грохотные красновато-коричневые когти выскользнули из

вспенившейся черной кислоты. Шипы врезались все глубже по мере того, как то, что было

снаружи, тянуло сильнее, неотвратимо расширяя щель. Керамит начал рваться.

-- За мной!

Из центральной башни выбежал комиссар Турзат в бронезилете поверх мундира, с плазменным пистолетом в одной руке и силовым мечом в другой. За ним следовали кадеты, несущие строительные плиты.

Другие тащили брусья из рокрита.
Собравшись вокруг
лейтенанта Джентага, гвардейцы во
дворе начали пробивать себе путь ко входу,
добивая
раненых тиранидов, рухнувших с неба,
топча прожорливых жуков-точильщиков,
суетящихся
вокруг их сапог. Расчеты мортир
оттащили орудия в сторону, пожертвовав
дальностью и
точностью стрельбы. Не ступаясь этим,
они продолжили стрелять вслепую.
Катмос, как и каждый солдат на
платформах башни, сконцентрировал
огонь на вооруженных
косами тиранидах, все еще
карабкающихся через стену. Вверху, на
бастionaх, люди
сражались, истекая кровью. Если эти
паразиты накинута на гвардейцев и
кадетов, то их
попытка укрепить ворота обречена.
Те же сформировали плотный клин с

Сирзатом на острие. Упорно, шаг за шагом, комиссар вел их вперед. Каммос видел жаркое море от орудий, поднимающихся над кагетами в середине, которые все еще с трачным видом волокли материалы для заделывания бреши.

Лейтенант Джентаг шел сзади, решительно командую арьергардом.

Слишком поздно. Мощным рывком эти чудовищные когти разорвали левую половину ворот пополам. В отличие от тварей, текущих по мостовой, это существо стояло прямо, как отерзательная пародия на человека, сжатая в оснащенных пальцами руках оружейный симбионт. Оно было вдвое больше самого высокого гвардейца «Альба Мармора» даже при том, что стояло на согнутых ногах. Массивный панцирь и хитиновые

пластины, торчащие на
голове, были гнилостно-коричневого
цвета, словно испорченный плод. Самые
верхние,
бледные конечности оканчивались
огромными когтями, вознесенными высоко
над широкими
плечами.

Катмос припомнил брифинг Оффицера
Медика -- был он давно, давнее, чем он мог
предположить. Это был воин-тиранид.
Одно из наиболее смертоносных существ,
порожденных Разумом Улья, которое
доминировало над меньшими отродьями и
заставляло
их следовать его воле.

Более мелкие тираниды дрались, чтобы
пробраться в пролом следом за ним.
Хлынув во
внутренний двор, они вздымались на
средние и задние лапы, сжимая в передних
конечностях
телоточцы и поглотители.

Мгновение, которое казалось половиной

жизни, воин-тиранид остатривал поле боя.

Когда

ближайший гвардеец поднял лязган, из-за спины воина выскочило новое чудище, так быстро, что Камлосу понадобилась секунда на осознание того, что произошло.

Это был другой монстр, более легкого телосложения, с двучаставчатыми верхними

конечностями, усеянными похожими на клыки шипами, чтобы пронзать и сокрушать. Но он

не использовал их, вместо этого выбросив вперед когтистую руку. На миг Камлос позволил

себе надежду. Тварь никак не смогла бы добраться до гвардейца. Потом он увидел, что

расстояние не имело значения. Костяные крючья вылетели из ребристых боков тиранада и

вонзились в руки и лицо солдата. Существо снова подняло когтистые конечности. Сухожилия, соединяющие

крючья с его узким телом, сжались, и, несмотря на отчаянные попытки освободиться, несчастного гвардейца втащило в гротескные объятия тирана. Крюки уже рвали его на куски. Мокрые щупальца, свисающие из пасти чужака, поглаживали голову солдата. Их кончики проскальзывали в уши, в рот. Человек задержался, и хватка твари усилилась. Теперь отростки вонзились ему в глаза и ноздри. Хлынули кровь и слезы, и умирающий человек забился в судорогах. Гнусный тиран загрожал в непотребном удовольствии и отшвырнул жертву прочь. Окровавленные щупальца аккуратно вылизывали одно другое, очищаясь от тошнотозного вещества. Его желтушно-золотые, светящиеся глаза уставились на новую цель. Еще одним резким жестом он метнул крючья, чтобы

схватить солдата.

Комиссар Турзат атаковал его. Силовой меч рассек сухожилия. Плазма, вылетевшая из

пистолета, попала существу прямо в торг, и обожженные щупальца съежились. Монстр,

шатаясь, отступил назад и повалился дергающейся кучей.

Громадный воин-тиранид с рыком набросился на Турзата, солдаты, расчеты мортир и медики

все вместе обратили свое лазерное оружие против тиранидов во внутреннем дворе.

Чужеродные паразиты визжали и утирали, их бронированные экзоскелеты трескались под

беспрестанным лазерным огнем. Тяжелые болтеры на укреплениях все еще прореживали стаи, атакующие стены снаружи.

Никто не мог помочь комиссару Турзату, сражающемуся с воином-тиранидом. Он стрелял

плазмой, целясь в пасть, в глаза, в нижнюю сторону конечностей всякий раз, когда тварь

затахивалась смертоносным когтем. Силовой меч глубоко врезался в верхние конечности

воина, и комиссар снова уклонялся и петлял. Каммос еще никогда не видел столь

быстроногого бойца.

С раздирающим уши воплем ярости чудовище неожиданно сделало шаг назад. Меньшие

тираниды позади него дрогнули. Воин поскользнулся на мембране крыла какого-то погибшего

летуна, что дало Турзату возможность вырваться из схватки. Джентаг и арьергард осыпали

тиранида залпами концентрированного огня. С панцирем, блестящим от ихора, огромная

тварь ретировалась, без разбору хлеща по толкующимся за воротами когортам. Когда

она

исчезла, атака тиранидов ослабела, не слишком сильно, но вполне достаточно.

-- Загелать пролом! -- заревел Турзат почти на исходе дыхания.

Кагеты уже бежали к нему с плитами и прокритом, в то время как люди Джентага расстреливали меньших отрогий в кровавые оштетки. Пока остальные гвардейцы убивали

тиранидов, оказавшихся запертыми внутри, Катмос помогал наиболее тяжело раненым. Рана

в бедре, яркая от артериальной крови. Он с силой прижал всасывающую повязку.

Кисть руки, полоторубленная, полоторванная от запыстья.

Кровоостанавливающая повязка, не много

транквилиута, может подождать.

Серолицый гвардеец с кровавой пеной на носиневших

губах. Красная степень срочности: его первый пациент. Этрик и Тинг отвечали за раненых, которых можно было вернуть в

бой. Катмос пытался спасти людей с
самыми скверными
ранениями, чтобы их можно было
эвакуировать.

Спешно спустившись в подвал, он увидел,
что Матэйн и другие двое санитаров
переместили

выздоравливающих пациентов на
скверные рулонами спальные мешки, где
они сидели,

прислонившись к стенам. На матрасах
лежали сенсорные покрывала,
поблескивающие свежим

антисептиком, их сигнальные огни с
готовностью мерцали. Герметично
запаянные кюветы с

сервозажимами и электроскальпелями
лежали высокими стопками. Этрик и
Тинг стояли

наготове у операционных столов, гудел
рециркулятор крови. Дуоды
реаниматрекса

показывали, что он заряжен на полную.

-- Ну что, за работу, -- трачно сказал

Катмос.

Некогда, давным-давно, полевой хирург вел
счет раненым, о которых позаботился.

Когда

медиков, служивших в «Альба Мартореса»,
призывало Оффицио Медика, чтобы те
продемонстрировали свои успехи в военно-
полевой хирургии, санитары сравнивали
свои

записи. Столько-то раненых, столько-то
спасенных, столько восстановлено
бионикой, столько

погибло, за павших выпито по стопке
амасека.

Теперь Катмос просто концентрировался
на пациенте, утирающем от потери крови
нос

электроскальпелем, не думая ни о теле,
которое только что собрал по кускам, ни о
том, кого

могут сейчас принести его подчиненные.
Всем его миром стала жизнь, что сейчас
утечет

сквозь пальцы, если он не найдет способ ее

установить.

Опасность, голод, усталость -- все это ничего не значило, пока еще есть раненые гвардейцы, ждущие помощи.

-- Это все, -- устало сказал Матэйн, погнувшаяся раненого -- бионическая рука заметно облезчала дело.

-- Правда? -- Катмос погнул взгляд и удивился, увидев, что в лестничном колодце залегли

вечерние тени. Он совсем перестал замечать, как проходит день.

Медтунка была заскорузлой от высохшей крови, вокруг ног кучами лежали выброшенные

пластиковые перчатки, а рядом валялся палец. Он застрял на спуске, и его оторвало от руки

гвардейца, когда удар тираниды отшвырнул его оружие в сторону. Сбоку от хирурга лежала

матюренная рука, завернутая в медиплас. Кость была так изувечена, что

атнупация

оказалась единственным выходом. На
стальной тарелке поблескивали остатки
глазного

яблока, разрушенного проникшим внутрь
биочервем. Но крайней мере, вырезание
глаза

спасло гвардейцу жизнь. Однако куча
спутанных кишок была свидетельством
неудачи.

Пациент умер от кровотечения из
разорванной печени, пока Катмос отчаянно
пытался убить

всех точильщиков, извивающихся в
животе солдата.

У Матэйна должен быть точный счет.
Катмос, может, и не считал, но кто-то
должен был это

делать. Нет, это могло подождать.

-- Доктор? -- лейтенант Джентаг
спускался по лестнице.

-- Сэр, -- Катмос отдал честь молодому
человеку, запоздало осознав, что рука у
него болит.

-- Как люди себя чувствуют? -- тихо спросил Дженнаг.

Катмос взвесил ответ.

-- Каждый человек на Альнавике считает, что жизнь смертельна, остается ли он в гряди или

становится Каменным Медведом. Поэтому мы держимся твердо там, где терпят поражение

более слабые полки. Но этот враг... -- он покачал головой. -- Это тяжелое испытание.

Лейтенант остотрел раненых, лежащих на матрасах и привалившихся к стенам.

Неожиданно

он улыбнулся.

-- Говорят, что тираниды бесстрашны, -- заметил он. -- Это не так. Они безмозглы.

Вы видели

это сегодня? В их глазах не было и искры независимой мысли. Вот поэтому мы и победим.

Катмос украдкой остотрел лица гвардейцев. Они не выглядели убежденными, хотя многие, по-видимому,

заинтересовались. Но крайней мере, это было лучше, чем усталое уныние.

-- Тираниды не могут думать сами по себе, -- пренебрежительно заявил молодой офицер. --

Они -- марионетки, выполняющие волю Разума Улья. Мы -- люди. Мы думаем сами за себя.

Да, ты боишься, -- удивил всех Джентаг столь прямым заявлением. -- И знаешь, почему. Потому

что эта мерзость каким-то образом отражает зло варна, чтобы бросить его вселяющую страх

тень на своих врагов.

Голос у него был спокойный и убедительный. Жители долин всегда гордились своей

мудростью, припомнил Катмос. Из всех потомков Святой Терры, достаточно суровых, чтобы

колонизировать покрытую льдом планету, у них хватило ума найти себе пристанище в

долинах Альнавика. Им не приходилось доказывать что-то, добывая прекрасный белый

тратор, украшающий Имперские храмы в половине всего сектора. Они не видели заслуги в

том, чтобы соревноваться с опасностями тора. Кальмарат до этого не было дела.

Джентаг с совершенно непринужденным видом заходил по комнате.

-- Я бы прекрасно обошелся без их псайкерской злобы, взрывающейся мне в мысли, --

откровенно сказал он. -- Но мы не подведем. У нас есть интеллект, чтобы понимать, что этот

страх -- неразумная ложь. Мы знаем, с чем стоим лицом к лицу. Мы знаем, что можем верить

своему оружию и своим товарищам. Улучше всего то, что мы знаем -- помощь идет.

Он указал вверх.

-- На орбите всего один корабль-улей,

какой-то заблудившийся остаток флота-
осколка,

который дрейфует по пустоте космоса с
тех пор, как раскололся флот-улей Кракен.

Я не

говорю, что он не представляет угрозы, --
признал он. -- Никогда не недооценивайте

тиранидов. Именно поэтому к нам летят
Преторы Орфея.

Катмос воодушевился, увидев улыбки
облегчения и надежды. Преторы Орфея
героически

сражались на Нартиле III. Каменные
Медведи знали, что многим обязаны этим
внушающим

благоговение воинам.

Переждав ликование, которое вызвала эта
новость, Джентаг продолжил:

-- Поэтому наша задача -- держаться
против тиранидов до тех пор, пока
Преторы Орфея не

атакуют их из космоса. Тогда паразиты
будут раздавлены между нами!

-- Тогда вам понадобится это, сэр, --

Биньям спустился с лестницы. В руках он держал силовые когти. Над тремя сияющими клинками скалилась медвежья морда.

Джентаг впервые выглядел потрясенным.

-- Это принадлежало капитану Слейту...

-- Вы заслужили это, -- действительно произнес Биньям.

Все раненые криками выразили согласие. Некоторые из них могли похвалиться популярными

среди рядового состава медными медвежьими лапами -- кастетами, украшенными когтями.

-- Их повредили, -- потеглив, Джентаг принял внашающую страх бронированную перчатку.

Биньям пожал плечами.

-- Я за этим проследил.

Катмос считал, что вокс-сержант мог запустить подбитый крейсер Имперского флота при

помощи проводов из половинки пиктера и нескольких чипов от «Часового».

-- Я буду носить их с гордостью, --
Джентаг втолкнул руку внутрь и
взмахнул оружием. --

Чтобы убивать каждого тирана,
который подберется достаточно близко, в
память о

капитане Слейте!

-- Каменные Медведи! -- закричал солдат.

-- Настолько суровы, что могут жрать
камень и срать щебнем! -- завопил другой.

Радостные крики и стех прекратились,
когда вниз по лестнице поспешно сбежал
кадет.

-- Комиссар Турзам передает вам
поздравление, -- он отсалютовал
Джентагу. -- Пожалуйста, составьте свой
доклад, чтобы вокс-сержант передал его
вместе с докладом комиссара.

Джентаг кивнул.

-- Сержант?

Биньям кивнул в сторону реаниматрекса.

-- Мне только надо глянуть эту штуку.

-- Санитар, -- Катмос покосился на
Матэйна, -- людям пора укладываться.

Джентаг направился к лестнице, а Биньям подошел к операционному столу.

-- Это чтобы развлекать себя, когда заснуть не можешь? -- притворяясь, что осматривает

реаниматрекс, он передал Каммосу какого-то незаконнорожденного потомка карманного

инфопланишета и ручного пиктера.

-- Загляни попозже и увидишь, -- хирург кивнул в сторону кладовок у лестничного колодца в

задней части подвала. -- Только не втешивайся. И спасибо за это.

-- Что б ты без меня делал? -- Биньям неторопливо отправился вслед за спешащим прочь

лейтенантом.

Посмотрев, как младшие хирурги проверяют состояние раненых, Каммос пошел в кладовку, где они свалили весь хлам из остальной части подвала. К тому времени, как он расчистил

пространство под два стула, появился

Матэйн с полной сводкой за день.

-- Еще девять мертвых, восемнадцать раненых, -- санитар выжидаяще посмотрел на

любопытным образом модифицированный инфопланишет, экран которого был едва с лагонь

Катмоса. -- Так для чего это?

-- Кто имеет наибольший риск пострадать от боевого шока среди тех солдат, кто завтра сможет сражаться?

Из тех его товарищей, которыми приказали удерживать эту крепость, невредимой осталась едва

ли половина. Катмос думал, сколько из них завтра оцепенеют, ошеломленные страхом,

воспоминаниями о боине, которую они уже увидели, или просто невозможностью задачи,

поставленной перед ними? Пока их не разорвут тираниды или свалит выстрел комиссарского

пистолета?

Матэйн подумал.

-- Отарен.

-- Приведи его сюда.

Катмос включил инфопланшет и улыбнулся, видя, как разноцветные огоньки закружились на

черном экране. Он быстро установил параметры этой простой игры.

Матэйн открыл дверь хранилища и указал на стул.

-- Гвардеец, сядь, пожалуйста.

Отарен опустился на сиденье. Его туловище было обмотано повязками.

-- Сэр?

-- Докладывай, гвардеец, -- по-деловому сказал Катмос. -- Скажи мне, что конкретно

произошло с тобой сегодня.

-- Я обслуживал тюрму, -- неуверенно сказал Отарен.

Катмос сел на другой стул.

-- Ты был близко от ворот, когда их

пробили?

Теперь он узнал молодого человека. Он чуть не стал второй жертвой того высокого тощего

тирана, которого убил комиссар.

-- Тальвит, он был моим товарищем по расчёту, -- окруженные белизной глаза Отарена глядели

прямо сквозь Катмоса, видя лишь кошмары. -- Оно съело... оно съело...

-- Гвардеец! -- Катмос хлопнул в ладоши. -- Посмотри на меня.

Отарен с трудом вырвался из ужасного воспоминания, хотя и не мог прекратить угрозу,

колотившую его.

-- Встань.

Не задавая вопросов Катмосу, Матэйн накинул сенсорное покрывало на стул Отарена.

-- Теперь сядь.

Гвардеец тупо повиновался, и Катмос протянул ему переделанный инфопланшет.

-- Отарен, я хочу, чтобы ты рассказал мне обо всем, что случилось, обо всем, чего ты боялся и

что чувствовал. Но, когда ты будешь это делать, ты должен играть в звездолов, -- он потянулся

к нему и сделал двойной щелчок по экрану.

-- Как тогда, когда ты был еще детенышем.

-- Сэр? -- гвардеец не знал, что и думать.

Звездолов записал с упреком. Отарен не смог повторить последовательность огоньков,

нажимая на экран пальцем.

-- Просто сделай это, солдат, -- строго сказал Катмос.

Въевшаяся в Отарена привычка повиноваться заставила его постучать по экрану. Желтый

вверху, синий слева, зеленый справа, синий слева -- этот застал Отарена врасплох, когда он

ожидал следующий огонек внизу экрана. Наверху вспыхнул красный -- Отарен едва

успел

удержаться. Красный --- цвет опасности, нажали на него, и игра закончится. Огоньки ускорились --- зеленый, оранжевый, фиолетовый --- разбежались по углам, и каждый нужно

было нажать один раз, прежде чем вспыхивал новый. Белый требовал двойного нажатия ---

это была сама звезда.

-- Расскажи мне обо всем, что случилось, --- повторил Катмос. -- Нет, не прерывайся.

Продолжай ловить звезды.

Отарен сглотнул.

-- Мы с Тальвитом стреляли из мортиры.

На этот раз ему удалось выговорить на несколько предложений больше, прежде чем ужас

котом встал у него в горле.

Сигнальные лампочки сенсорного покрывала горели красным. Матэйн шагнул вперед, но

Катмос отстранил его, подняв руку.

Звездолов настойчиво загудел. Отарен моргнул и сфокусировался на экране.

-- Извините, -- протянул он.

-- Перезапусти игру, -- настоял Катмос.

-- Мы стреляли из мортиры, -- по-собачьи повиновался Отарен, тыча в экран негнущимся

пальцем. -- Рейнас был наводчиком, он стоял на стене.

Катмос не запомнил, сколько фальстартов и репетиций им понадобилось. Но в конце концов

Отарен наконец смог выдержать воспоминание об ужасной смерти Тальвита. Огоньки

сенсоров все еще светились янтарно-желтым, но волны паники в мозгу утихли, как и бешеное

сердцебиение и потоптывание. Голос толстого человека был ровным, взгляд прикован к

звездолову, палец уверенно следовал за тизгающими огнями.

Устройство признало его успех, издав

приятный звон. Отарен поднял взгляд на
Каммоса и
свободной рукой вытер слезы с
щетинистых щек.

-- Сэр?

-- Очень хорошо, гвардеец, -- Каммос
улыбнулся и забрал звездолов. -- Теперь иги,
поспи
немного.

Матэйн стоял за стулом, внимательно
разглядывая сенсоры. Повернувшись, он
застыл -- весь

внимание. В дверях стоял Турзам.

-- Санитар, -- отрывисто сказал комиссар. --
Проводи пациента к его матрасу.

Матэйн неуверенно посмотрел на
Каммоса.

-- Иги, -- кивнул хирург.

Когда Матэйн вывел Отарена, Турзам
вошел в хранилище и закрыл дверь.

-- Что это было?

-- Тело уже полечили, а это -- лекарство
для ума, -- заговорил Каммос с большей

уверенностью, чем на самом деле чувствовал. -- Как сказал лейтенант, тираниды лишены разума. А мы нет.

-- Какой-то несанкционированный псайкерский трюк? Лишу звания, если так, -- предупредил

Тирзат с более чем обычной неприязнью к псайкерам.

-- Проверьте записи обо мне. У меня нет и намёка на психический потенциал, -- Катмос поднял

звездолов. -- Это вариант одного старого приёма моей матери.

От этих слов в холодных глазах комиссара появилось удивление.

-- Объясни.

Катмос жестом пригласил его занять свободный стул.

-- На Альтавике моя мать была целительницей.

-- В катеноломнях? -- Тирзат присел с прямой, негнущейся спиной.

-- Аварии -- это такой же факт жизни,

как то, что в океане тонут корабли, --
Катмос пожал
плечами. -- Она сращивала сломанные
кости и ампутировала раздавленные
конечности.
Потом, еще были кошмары, мучившие
мужчин и женщин, которые вытаскивали
мертвых и

раненых из-под камней, а также
преследовавшие тех, кого завалило. Это
то же самое, что
боевой шок Гвардии.

-- Который поражает тех, кому
недостает отваги, -- Турзам был
совершенно лишен сочувствия.

-- Можно так думать, -- мягко сказал
Катмос, -- если не знать, что раньше
человек был смелым

и стойким. Мать не бросала того, о ком
знала, что он сделан из настоящей стали.
Она могла

покаяться, что, если заставить кого-то
проговорить то, что они испытали, то
они смогут

преодолеть страх. Когда они смогут
сделать это без запинки, они снова смогут
встретиться с

ужасом лицом к лицу.

Турзат без улыбки поглядел на него.

-- Я жду вашего объяснения.

Катмос ненадолго задумался, как в
Комиссариате делают операции по
удалению чувства
юмора.

-- Разговорить кого-то, когда он боится,
невозможно, если все, на чем они могут
сконцентрироваться -- это страх, --
решиительно сказал он. -- Если занять чем-
то другим их

руки, их глаза, то это отвлекает их
достаточно, чтобы ослабить ужас. Я не
могу объяснить, почему и как -- но просто
знаю, что это работает. Мать заговаривала
своим пациентам

какой-нибудь ритм, чтоб они его
настукивали, одну из горных песен,
которые все знают, -- он

отложил в сторону измененный

инфопланишет. -- Я не знаю никакой музыки
голин и

побережья. Но все играют в звездолов.

Долгий миг Турзат глядел на полевого
хирурга.

-- Будет ли этот парень завтра держать
оборону?

-- Не знаю, -- честно сказал Каммос. -- Но
шансы на это больше, чем были ранее.

-- Со сколькими людьми вы собираетесь
играть в эту игру? -- требовательно
спросил комиссар.

-- Со сколькими смогу. Почему бы и нет? --
дерзко спросил Каммос. -- Если она и не
поможет, то разве сможет навредить?

-- Если не считать, что не даст раненым
спать? -- прорычал Турзат. -- Нам нужно,
чтобы

каждый мог стоять на ногах.

-- Нам нужно, чтобы каждый человек мог
держать оборону, -- Каммос ответил
комиссару его

собственными словами. -- И если этот
парнишка умрет, я хочу, чтобы он умер с

честью, а не

как трус, от вашего пистолета. А пока
что, -- он указал на сигнальные огни
покрывала, --

может, я позабочусь о ваших ранах?

-- Это ничего, -- на челюсти Турзата
дернулся мускул, и он поднялся на ноги.

-- Комиссар, не глупите, -- коротко сказал
Катмос. -- Как люди будут держаться без
вас?

Лицо комиссара озарил первый намек на
улыбку.

-- Лейтенант Джентаг будет выполнять
свой долг.

Однако он сбросил свой китель.

Комиссар снял форменный мундир ранее.
Несмотря на тренированность и ловкость
Турзата, Катмос увидел, что когти
воина-тиранига нанесли несколько
глубоких порезов.

-- Снимите нижнюю рубашку.

Взволнованный Матэйн дожидался за
дверью.

-- Сэр?

-- Все нормально, -- Катмос взял антисептик и шовный клей. -- Сейчас я его залапатаю, а потом

притащи мне грузого с признаками боевого шока, -- он сделал паузу. -- Найди гвардейца по

имени Ньял. Посмотри, как он там.

Он вернулся и занялся раной Турзата. Порезы проходили сквозь старые шрамы. Было бы

легко чувствовать неприязнь к комиссару, подумал Катмос, если б не это неопровержимое

доказательство его отваги. На спине у Турзата шрамов не было вовсе.

-- Ну что, могу я продолжать? -- Катмос начал очищать окаймленный красным порез,

распухший от тиранидского яда.

-- Если бы я думал, что мы доживем до прибытия Преторов Орфея, я бы запретил это и

сообщил в Оффицио Медика, -- теперь улыбка Турзата напоминала Катмосу

оскал черепа. --

Так как я сомневаюсь, что у меня будет шанс это сделать, можешь продолжать. Все равно.

-- Вы не думаете, что мы выберемся отсюда? -- Каммос сконцентрировался на том, чтобы ровно

соединить края раны, нанося шовный клей. -- Мы же прогнали то чудовище, разве нет?

Воина-тиранида, если я правильно помню, как меня учили?

-- Он тогда не победил, -- произнес Турзат сквозь стиснутые зубы. -- Разум Ульямотозвал его, как только то другое существо узнало, что ему было нужно. То, со щупальцами -- это был

ликтор, -- он с удовлетворением кивнул, увидев запоздалое узнавание на лице Каммоса. -- Не

все тираниды -- марионетки, что бы там ни говорил лейтенант.

Комиссар встал и поднял китель.

-- Те, что крупнее, знают, что делают.

Этот воин вернется --- или придет еще
что похуже --- с

новым планом, как одолеть нас, и за ним
будет вдесятеро больше тварей.

-- Что они такого узнали, что сможет ил
помочь? -- Катмос попытался скрыть
тревогу.

-- Не сомневаюсь, что мы узнаем это
завтра, -- Турзат пожал плечами. --
Убедись, что санитары
знают, что делать.

-- В случае худшего развития событий, --
Катмос знал, что должен сделать. Он с
трудом

сглотнул. -- Но я все же надеюсь на лучшее.

-- Лучше всего не надеяться. Тогда будет
ничего бояться, -- Турзат открыл дверь и
зашагал

через подвал с высоко поднятой головой и
расправленными плечами, излучая
уверенность.

В то время, как он ожидает, что все
утрут? Внезапно Катмоса захлестнула
ярость. Нет. Он не

желал принимать мрачное предсказание комиссара.

-- Что у него было сказать? -- Биньям приблизился к нему со стороны затененной задней лестницы.

Катмос почувствовал холодок, услышав угрюмый голос друга.

-- Какие новости по воксу?

-- Астронавт главиштаба только что умер, крича о тенях в варне, с кровотечениями из глаз и

носа, -- пробормотал Биньям. -- Никто не знает, где Преторы Орфея.

-- Что насчет других укреплений? -- Катмос задумчиво посмотрел на раненых.

-- Еще шесть пропали из вокс-сети, -- покачал головой Биньям. -- Ни слова от города Ыота.

-- Так что мы держимся, пока не придет помощь или пока все не погибнет, -- Катмос кивком погрозил Матэйна.

Это не займет много времени, учитывая,

что они понесли столь ужасающие потери
всего за

два дня. Но все же оставалась работа,
которую надо было делать -- хотя бы для
того, чтобы не

дать собственному страху поглотить его.

К рассвету Катмос был уверен, что
обезопасил еще девятнадцать человек от
парализующего

ужаса, среди них и Ньюла.

-- Спасибо, Матэйн.

Когда санитар вывел пациента, он
аккуратно закрыл дверь. А затем метнул
звездолов в стену

кладовой. Тот разлетелся на части,
рассыпав повсюду бесполезные фрагменты.

Эти люди, возможно, освободились от
страхов, но что их может спасти от
пожирания

ликторати? Что толку от лишних
двадцати лазганов против бесчисленных
тиранигов? Может

быть, его ночная затея -- ненужная трата
времени? Может, комиссар Турзат прав?

Камтос был слишком утомлен, чтобы
ответить. Все же в его гурных
предчувствиях не было

ни капли предательского ужаса, который
внушали тираниды. Он знал, что это ясное
понимание смертельной угрозы, в которой
они все находятся. Но, как всегда говорила
его

мать, если ты понимаешь свой страх, то
можно бороться с ним.

Выйдя из кладовки, он увидел Биньяма,
сгорбившегося над кастером. Вокс-сержант
поднял

взгляд на Камтоса и коротко покачал
головой.

Лазерная пушка на верхнем ярусе башни
открыла огонь. Все в подвале застыли.

Камтос быстро проанализировал
состояние лежащих пациентов, считая
тех, кто мог держать в

руках оружие. Он позвал сержанта,
ждущего рядом с солдатами, годными для
защиты

укреплений.

-- Попроси у лейтенанта, чтоб сюда спустили тридцать лазганов или пистолетов, -- сказал он

энергичным голосом.

-- Не уверен, что у нас найдется столько свободного оружия, сэр, -- по унылому лицу сержанта

Каммос понял, насколько поистине тяжким было их положение.

-- Доктор? -- кожа вокруг аугметического глаза Матэйна была бледна и туго натянута, а другою

глаз зажал и был окружен темным пятном усталости.

-- Уди-ка сюда, -- Каммос подошел к реаниматрексу, нажал на несколько переключателей, и

машина злоеце загудела. Матэйн с опаской посмотрел на него.

-- Что...

-- Если тираниды ворвутся в башню, дай наиболее серьезно раненым благодать Императора,

-- приказал Каммос. -- Разряд

останавливает бьющееся сердце так же
надежно, как запускает
мертвое. Каждый способный держать
оружие должен сохранить один выстрел
для себя.

Открыв панель в реаниматрексе, он
вытащил два стеклянных пузырька.
Вытянув содержимое
одного в шприц-ручку, он передал второй
Матэйн.

-- Это тебе. Пруссиан. Быстрый и
безболезненный.

-- Что ты собираешься делать? --
встревожено спросил Матэйн.

Положив в карман смертоносный шприц,
Катмос вышел из кладовой.

-- Если это последний день, который я
увидю, то я умру с оружием в руках.

Он подобрал собственный вещмешок с
беспорядочными намотинаниями
десятилетиях

путешествий и войн. Там все еще было
несколько вещей, которые он взял с
Альнавики.

-- Что это? -- Матэйн удивленно воззрился на незнакомое оружие.

-- Длинная винтовка, -- Катмос проверил заряд и протянул Матэйну руку. -- Служить с тобой

было честью для меня.

Матэйн шагнул назад, покачав головой.

-- Я найду лазган.

-- Ты останешься здесь и спасешь наших пациентов от врага, -- строго сказал Катмос.

Молодой санитар будет в большей безопасности в подвале, если, по какому-то капризу

равнодушной вселенной, кто-то из них доживет до конца дня. Тогда будут ранены, которых

надо будет лечить, напомнил себе Катмос. Он не собирался бесцельно расставаться с жизнью, пока на нем оставался этот долг.

Матэйн кивнул, не в силах говорить.

Все же Катмос поспешил наверх по задней лестнице. Он не мог проходить мимо

раненых и

видеть их лица.

Позади на металлических ступенях тяжело загрохотали шаги. Он повернулся, поднимая глинную винтовку.

-- Каменные Медведи! -- Биньям поднял руки в шутливом жесте сдачи в плен. -- Куда идешь, навозная рожа?

-- Я сделал для раненых все, что мог, пока битва не закончится -- так или иначе, -- Катмос

нахмурился. -- Ты же должен сидеть на воксе.

-- Слушать мертвый эфир? -- Биньям покачал головой. -- Я утру с оружием в руке.

-- Тогда пошли, -- Катмос развернулся, и они направились вверх.

Теплый солнечный свет на самой верхней платформе будто стаялся над их усталостью.

Катмос понял, что на такой высоте над злобонными трупами тиранидов,

лежащими толстым

слоем, будто осенние листья, сколько хватало глаз, ветер несет приятные ароматы леса. Он

глубоко вдохнул благовонный воздух, прежде чем посмотреть вниз, во внутренний двор.

На этот раз не все мортиры были снабжены расчетами. Не хватает боеприпасов или опытных

артиллеристов? Боеприпасов, догадался Катмос, увидев Омарена, стоящего у одного орудия с

лазганом в руке, готового защищать мортиру или приняться за стрельбу в зависимости от хода

боя. Но крайней мере, расчеты были прикреплены ко всем тяжелым болтерам на выдающихся

из стены бастionaх. Но сколько времени пройдет, прежде чем они опустошат оставшиеся

магазины? Они не смогут удержать эти стены одной лишь отвагой.

-- Вот и они, -- Виньям подготовил лазган.

Скачущие, рассекающие воздух тираниды атаковали со всех сторон. Сколько бы их не падало

под выстрелами тяжелых болтеров со стен, за ними следовало еще больше. Они метали

железные крюки и стягивали скрученные жилы, соединяющие живые захваты с их телами.

Оказавшись на бастionaх справа и слева от ворот, они бросались на болтеры. На каждаго

пятерых, застреленных гвардейцами, которые отчаянно обороняли орудия, появлялся еще

десяток.

Эти звери отличались от тех, что атаковали днем ранее. Защищенные более толстыми

панцирями, они сжимали похожие на обрубки симбионты, которые плевались

незначительными на вид поблескивающими струйками. Однако

зваргейцы кричали от
мучительной боли, совершенно
несравнимой с их крохотными ранами.
Бросая лазганы, они
впивались пальцами себе в лица,
раздирали руки о рокрит, не обращая
внимания, что
проливают собственную кровь. Затем они
корчились во внезапных судорогах, и
каждый
солдат падал и лежал, неподвижный и
беспомощный.
Некоторые падали с бастионов, не делая
ни попытки спастись. Катмос вздрогнул,
видя, как
черепки разбиваются о мостовую. Другие
простирались на земле со сломанными
ногами и
осколками кости, торчащими сквозь
одежду. Тех, кто лежал, окостенев, на
укреплениях, тираниды рвали на куски.
Однако расчеты болтеров на соседних
бастионах быстро направили
огонь на тварей, чтобы не отдать оружия

вразу, равно как и отомстить за своих товарищей.

Болтер слева от ворот взорвался — оставшиеся боеприпасы добровольно подорвали гвардейцы, не желающие умереть просто так.

Биньям извергал повторяющиеся, монотонные ругательства, делая из своего лазгана выстрел за выстрелом. Катмос установил глинную винтовку на перилах, окружающих платформу, и аккуратно прицелился в крепкого тиранига с пятнистой головой. Она исчезла с перекрестья, обратившись в фонтан слизи.

Башенные пушки внизу закрутились на опорах. Оторвав взгляд от прицела, Катмос остотрел небо. Сегодня в нем не было видно никаких летающих тварей. Оборонительные лазеры загудели, и Катмос осознал, что они

нацелены на укрепления по обе стороны от
ворот.

Лазерные пушки открыли огонь,
поворачиваясь из стороны в сторону. Убо на
этих стенах

больше не было своих -- все гвардейцы, еще
оставшиеся в живых, стали
беспомощными

жертвами парализующих, причиняющих
страшные муки тиранидских ядов.

-- За мной! За мной!

Лейтенант Джентаг был внизу, во дворе,
с отделением гвардейцев-ветеранов. Они
заняли

позицию между тиранидами,
прыгающими вниз с укреплений, и
несгибаемыми расчетами

мортир, которые все еще стояли в
плотном порядке в центре, выпуская
снаряд за снарядом и

целясь в участок сразу за воротами.
Гвардейцы стояли плечом к плечу и, не
моргнув глазом, уверенно поливали
лазерным огнем стрекочущих, молотящих

панати бестий. Мостовую двора
усеивали обломки хитина, и она стала
скользкой от ихора, изрыгаемого
утирающими
тиранидами.

Ворота внезапно исчезли в облаке черной
пыли. Это был не взрыв -- скорее вздох,
признающий поражение. Губительную
завесу понесло во двор, и гвардейцы,
попавшие под
нее, повалились, задыхаясь, не в силах
даже выдать предсмертное проклятье.

Когда пыль осела, в воротах стояла новая
кошмарная тварь. Огненная когтистая рука
сжимала

чуждоподобный меч из почерневшей кости.
Другую украшала отвратительная плоть --
веревки

живых мускулов сплетались огни вокруг
другой, оканчиваясь бритвенно-острыми
когтями.

Биньям выругался.

Был ли это вчерашний воин-тиранид?
Катмос не мог сказать, да и на самом

деле это ничего не

значило. Он поймал его в прицел и увидал
убийственную целеустремленность,
светящуюся в

янтарных глазах под развернутыми
веером хитиновыми пластинами,
защищающими голову
существа.

Он припомнил слова комиссара. Крупные
особи знают, что делают. Тирзат сейчас
кричал

что-то другое, но Катмос не мог
разобрать слов в шуме сражения.

Воин-тиранид взмахнул мечом и с воплем
запрокинул назад голову. Каждая тварь во
внутреннем дворе откликнулась
кровожадным криком. Звук
распространялся за пределы

обычного слуха, сокрушая храбрость
каждого гвардейца. Тираниды возобновили
атаку, теперь

даже более свирепые, чем раньше.

Голос Биньяма грозил:

— Убивай больших, так сказал комиссар.

У него было оружие, которое могло это сделать, и, важнее всего, он имел навыки для этого.

Катмос сконцентрировался и сделал глубокий вдох. Выдыхая, пока легкие не опустели, считая

пульс, чтобы выстрелить между ударами сердца, он плавно надавил на спуск. Он промахнулся.

Конечно же. Ветер.

-- Насколько далеко? -- спросил Биньям.

-- Без понятия, -- сплюнул Катмос. Плечо болело от резкой отдачи оружия, но это было ничто в

сравнении с неудачей, которая обожгла его, будто удар плети.

-- Я буду наводить, -- Биньям выхватил магнокль.

Катмос выстрелил вторым болтом.

-- Сдвинь на три метки вверх-направо, -- посоветовал Биньям. -- Стой! Не стреляй!

Через узкую прорезь прицела Катмос увидел, как лейтенант Джентаг атакует воина-тиранида.

Чүдөвище затахнулось костяным мечом.
Офицер уклонился от черного клинка,
однако его

хлестнуло живым кнутом. Он вскинул
руки, чтобы защитить лицо.
Безжалостные кольца

стиснули грудь человека, выжимая из него
жизнь, таща его к поблескивающим
клыкам твари.

Гвардейцев, поспешивших на помощь
лейтенанту, оттеснила назад волна
тупеющих слюну

меньших тиранидов. Джентаг уже не
боролся с кольцами хлыста. Руки
бессильно повисли, и

его тащило вперед, к смертоносным
когтям огромного существа.

Катмос прочнее установил глиняную
винтовку. Всей его вселенной было то, что
он видел в

прицел. Единственный болт подарит
Джентагу милосердную смерть и вместе с
тем убьет

чүдөвищного воина.

Он нахмурился, увидев лицо Джентага.
Глаза того внимательно смотрели.
Существо

наклонилось, разинув пасть с зубами-
кинжалами, пробуя воздух языком, как у
рептилии. Руки

офицера все еще были свободны. Но
силовым когтям капитана Слейта с
треском пробежала

голубая молния. Конвульсивным усилием
Джентаг вскинул руку и вознал
сверкающие клинки

глубоко в глотку тиранига.

Монстр умер, и от его предсмертного
визга по каждому тиранигу пробежала
грозь

неуверенности. Гвардейцы, которые все
еще сражались во дворе, ухватились за
шанс и

сделали столько выстрелов, сколько
смогли.

Но Катмос увидел новый кошмар.
Палаточная ткань, прикрывавшая ямы с
мертвецами,

вздвигалась. Элееноподобные тираниды
прорывали плотно двойными парами
раздирающих

когтей. Разбрасывая гниющие конечности
и головы, они, волнообразно изгибаясь,
поползли

по мостовой. Гвардейцы побежали в атаку,
и существа поднялись на тугих кольцах
мускулистых хвостов или с убийственной
эффективностью использовали клешни на
их

концах. Один солдат потерял ногу --
клешня с легкостью прошла сквозь сапог.

На мгновение Катмос задумался, не это
ли узнал ликтор, поглотив мозг бедняги
Тальвита.

Новый способ проникнуть внутрь
крепости, которым он поделился с
Разумом Улья,
породившим его.

Извивающиеся тираниды веером
расползлись по всему двору -- некоторые
сдвинулись на

артиллеристов, теперь стоявших спина к

спине, некоторые атаковали гвардейцев,
все еще

отчаянно пытающихся добраться до
лейтенанта Джентага, наполовину
придавленного

навшим чудовищем. Другие ползли к
ступеням, по которым могли добраться до
подвала и

раненых, лежащих в нем.

Катмос узнал голос, который прокричал
вызов далеко внизу. Один гвардеец твердо
встал на

пути у тиранидов. Это был Отарен,
собравший вокруг себя столько людей,
сколько мог, уверенно стрелявший из
лазгана. Пока он стоял на ногах, раненые
были в безопасности.

А это, наверное, Ньял рядом с ним?
Сложно было сказать — на каждом была
броня и каска, но наклон его плеч казался
знакомым.

Молодой гвардеец побежал вперед,
увернулся от хлестнувших мимо когтей
разъяренного

тиранида. Стреляя из зажатого в одной руке лазгана, он какой-то момент удерживал врага на

расстоянии. В другой руке у него был тубусный заряд. На тиз бросив лазган, так что тот

свободно повис на перевязи, он открутил колпачок трубки и зашвырнул взрывчатку в одну из

ям. И трюны, и тираниды разлетелись на куски.

Но Ньял не отступил. Повалив тираниду, все еще угрожающего ему, последним выстрелом

лазгана, он повернул колпачок следующего заряда.

Сердце Камлоса заколотилось, словно отсчитывая пульсом секунды, которые горел запал.

Затем Ньял пригнулся и глиняным низким броском метнул его в дальний конец траншеи. На

этот раз взрыв был приглушен. Мостовая двора вспучилась, а затем опала ---

тиранидский

туннель был разрушен. Катмос позволил себе обнадеженный вздох. Пока не осознал, что

второй воин-тиранид стоит в разрушенных воротах.

Подняв массивное оружие средними когтистыми лапами, он выстрелил в лазнушку

металлически блестящим потоком кристаллов. Оружие взорвалось каскадом искр. Его расчет с

воплями бросился назад — сияющая кислота лишала плоти руки и лица солдат и разъедала кости под ней.

Турзат вел отряд вниз по ступеням башни, нацелив силовой меч прямо на тварь. Солдаты

побежали в атаку на воина. Отарен и расчеты мортир последовали за ними, стреляя из

лазганов. Меньшие создания, рвущиеся в ворота, массово гибли.

Нет, решил Каммос. Главным героем легенды о подвигах этого дня должен быть Джентаг, даже если никто не останется жив, чтобы рассказать ее. Он положил винтовку на перила, внимательно посмотрел в прицел и тщательно оценил направление ветра. На этот раз он с первого выстрела вознал дейтериевый болт прямо в глаз воина.

Он потянулся в карман за смертоносным шприцом-ручкой.

— Пруссиан. Достаточно для двоих.

— Оставь его на другой день, — магнокль Биньяла вскинулся кверху.

Внизу, во дворе, вторжение тиранидов утратило свою губительную целеустремленность.

Котиссар Турзат собирал выживших гвардейцев, чтобы снова закрыть ворота.

Расчеты

болтеров на бастионах не сдвинули позиций. Лазерные пушки на башне наклонились вниз, вскрывая выстрелами тиранидские туннели и открывая взгляду

бесчисленные скорчившиеся

труны.

Ветер изменился, и Катмос почувствовал жгучий запах озона. Он посмотрел вверх и увидел точки

света, словно булабочные уколы, пронзающие безоблачную синеву — это вырывался огонь из

маневровых двигателей. Десантные капсулы с воет проносились сквозь ароматный воздух.

Гвардейцы, удерживавшие внутренний двор, разразились радостными криками, и Преторы

Орфея обрушились на землю со всех сторон от стен. Тираниды бросились прочь, не разбирая

дороги. Но ни один из них не был достаточно быстр, чтобы избежать праведной ярости

костических десантников и их убийственно точного огня.

...